

Все свои произведения С. Дроздов сопровождает небольшими историями – «Записки о моих знакомых». Сочиняя целые рассказы, автор дает зрителю возможность погрузиться в мир художника и его творчество. Не случайно существует мнение, что каждый мастер в произведениях отражает свой внутренний мир. Познакомившись однажды с работами С. Дроздова, его авторский стиль навсегда остается в памяти.

Характерность кукол художника – одна из главных черт. Яркие образы пиратов (например Генри Морган), рыцарей, фантазийных персонажей не оставляют равнодушными ни одного зрителя.

С. Дроздов является постоянным участником различных международных выставок авторской куклы. А в Беларуси за 2017-2019 годы прошло три его персональные выставки «Мужской взгляд»: на базе дома-музея В. Ваньковича (г. Минск), «Музея истории театральной и музыкальной культуры» (г. Минск), картинной галереи Г.Х. Ващенко (г. Гомель). Выставочный проект С. Дроздова продолжает путешествовать и в 2020 году, 6 ноября в г. Жлобине в историко-краеведческом музее открылась очередная выставка художника. Персональная выставка большая редкость у художников такого уровня, связано это в первую очередь с тем, что достаточно много времени уходит на создание одной куклы, не говоря уже о целой коллекции, а также работы практически сразу приобретаются коллекционерами и не всегда есть возможность их экспонировать.

Художественное своеобразие авторской куклы связано в первую очередь с традиционными представлениями о кукле, но многие современные мастера-кукольники стремятся выйти за рамки этих представлений, используя авторские подходы в создании куклы, как например художник С. Дроздов. Индивидуальный стиль порой настолько ярко выражен, что становится достаточно сложно выделить техники, которые применил кукольник для создания образа. Можно выделить три основных подхода к решению кукольного образа: идеализация, характерность и реалистичность. Создание куклы требует навыков и дает возможность воплотить себя как художник, скульптор, стилист, дизайнер одежды и обуви и др. Работа с куклами многоэтапна, разнообразна и кропотлива, но именно поэтому привлекательна для художников.

В отличие от театральной куклы, кукольной анимации, от детских кукол для «игры», эти произведения созданы исключительно для созерцания и порой поражают своей неигрушечной глубиной.

УДК 745.522.1

ОСОБЕННОСТИ ПРЕТВОРЕНИЯ ОБРАЗА КУПАЛЬСКИХ ТРАВ В ТКАЧЕСТВЕ БЕЛАРУСИ XX В.

Лойко-Мичудо А.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

e-mail: lojkomichudo@mail.ru

Summary. *The article considers examples of different interpretations of the image of Kupala herbs in Belarusian weaving of the 20th century. The author analyzes the works of folk artists of the 1930s and 1960s.*

В статье рассматриваются примеры различных интерпретаций образа купальских трав в белорусском ткачестве XX в. Автор анализирует произведения народных мастеров 1930–1960-х гг.

Среди всех купальских образов, получивших разнообразное воплощение в отечественном искусстве, наименее распространен образ купальских трав. При этом народная

традиция утверждает, что травы, собранные «на Иванову ночь» обладали магическими качествами [2, с. 180]. Белорусский фольклорист В. Литвинко упоминает о сборе таких растений, как васильки, рута, купалинка, солодка, папоротник, богатки [3, с. 118]. При этом российский кандидат филологических наук Т. Никольская утверждает, что обряды, связанные с собиранием и последующим использованием купальских трав не имеют под собой древних основ. Несмотря на это, они широко распространены [4, с. 71].

Отметим, что образ купальских трав встречается на многих тканых, вышитых и вязаных изделиях. Отечественный доктор искусствоведения М. Кацер обращает внимание на то, что он обычно изображается в виде трех веточек, каждая из которых заканчивается цветком. Это связано с их функциями: такие травы использовали для плетения венков, гадания и в лекарственных целях [1, с. 94]. В свою очередь, российские лингвисты В. Иванов и В. Топоров утверждают, опираясь на тексты купальских песен, что три вида купальских трав, обладающих магической силой, связаны с мотивами о трех змеях и трех дочерях божества Купалы [5, с. 37].

Образ купальских трав в виде трех цветов присутствует на постилке З. Костюкович из д. Ярцевка Борисовского р-на (1950-е гг. лен, хлопок, двухсторонний перебор) (рис. 1). Мастер использовал при создании своего произведения яркий колористический контраст. Благодаря этому белые цветы на темном фоне смотрятся более выразительно, приобретая определенный объем.

Рисунок 1. – З. Костюкович. Постилка

В отличие от предыдущей, ахроматической, постилка С. Курьянович из д. Теребуты Стародорожского р-на («магушками ткали»,

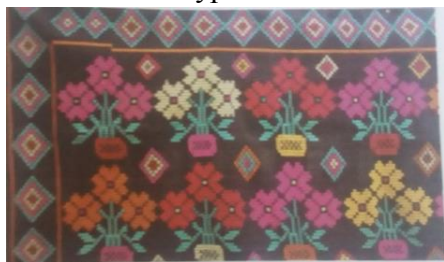

Рисунок 2. – С. Курьянович. Постилка

1960-е гг. Лен, мулине, односторонний перебор) полихромна (рис. 2). Образ купальских трав представлен, как и ранее, в виде трех цветов, которые автор расположил в стилизованном горшке. Используя одинаковую форму растений и цвета стеблей, С. Курьянович при этом использует достаточно богатую колористическую гамму: розовый, красный, оранжевый и оттенки желтого цветов придают образу купальских трав праздничное звучание.

Этому же способствует расположение их на контрастном темном фоне произведения.

Поскольку подобные постилки носили утилитарно-декоративный характер, мы считаем, что образы купальских трав, использованные мастерами при их создании, являются просто своеобразным воспоминанием об одном из обрядов праздника летнего солнцестояния.

Узнаваем образ купальских трав и на тканом ковре анонимного автора из д. Доросино Любанского р-на Минской области (1930-е гг., льняные, шерстяные и хлопчатобумажные нити, односторонний перебор. 168x70). Симметричное изображение растений, состоящим из трех стеблей с цветами на концах отличаются лишь цветом ваз, в которые их поместил мастер, и окружающих их женских фигурок (рис. 3). При воплощении образа купальских трав, автор использовал зеленый цвет для стебля и оттенки красного для самих цветов. Следует обратить

Рисунок 3. – Анонимный мастер. Тканый ковер

внимание на то, что центральный цветок отличается своей формой: в отличие от округлых форм боковых, он вытянут по вертикали и имеет больше острых углов. Мастер размещает рядом изображения таких животных, как кот и лев, образы которых, на первый взгляд, не связаны с купальским обрядовым комплексом. На наш взгляд, автор использует образ кота в связи с тем, что данное животное часто связывалось с «нечистой» силой, от которой, как

оговаривалось выше, защищали некоторые купальские травы. В свою очередь, образ льва, не связанный со славянской мифологией, может обозначать силу, которой обладают растения, собранные на Купалье. Данная работа отдаленно напоминает сюжетно-тематические рисованные ковры белорусской мастерицы А. Киш, расцвет творчества которой пришелся на 1930-е гг. При этом оговорим, что в основе всех ее произведений лежат следующие устойчивые сюжеты: изображения Рая (райского сада), «Дева на воде» и «Письмо к любимому», а купальские образы отсутствуют.

Образ купальских трав в отечественном искусстве встречается довольно редко, что, на наш взгляд, связано со сложностью определения этих трав ввиду их разнообразия, неясной семантикой для искусства, второстепенным значением в сравнении с другими образами, а также применением в качестве дополнительного символического образа для определения специфики праздника летнего солнцестояния.

Литература

1. Кацар, М. С. Беларускі арнамент : Ткацтва. Вышыўка / М. С. Кацар; пер. з рус. мовы, літ. апрац. і навук. рэд. Я. М. Сахуты. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – 224 с. : іл.
2. Кожухарь, Ю. А. Купальские обряды: традиции и современные игровые модели / Ю. А. Кожухарь // Молодой ученый. – № 6 (244). – 2019. – С. 179–183.
3. Ліцьвінка, В. Д. Святы і абрады беларусаў / В. Д. Ліцьвінка. – 2-е выд. – Мінск : Беларусь, 1998. – 190 с. : іл.
4. Никольская, Т. М. Семиотические аспекты купальского обряда / Т. М. Никольская // Аналитика культурологи. – № 16. – 2010. – С. 67–88.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 томах) Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. К – Я. – 720 с. : ил.

УДК 221.3+159.963.383

СООТНОШЕНИЕ СОЗНАНИЯ И РЕАЛЬНОСТИ В ДАОССКОЙ ТРАДИЦИИ

Лобанова А. Я.

Белорусский государственный университет

e-mail: a.labanava@gmail.com

Summary. *The paper defines the role of consciousness in Taoism, represents the connection between ancient Chinese ideas and plots of modern films, and describes parallels between Chinese ideas about this phenomenon and modern scientific researches.*

В последние десятилетия в мировом кинематографе наблюдается особый интерес к проблеме иллюзорности реальности, возможности ее моделирования, погружения человека в виртуальную реальность, манипуляций с сознанием. Культовыми стали картины «Звездные войны», «Матрица», «Начало». Большинству зрителей может показаться, что подобные темы вполне логичны для эпохи цифровых технологий. Для многих оказывается большой неожиданностью тот факт, что похожие идеи транслируются восточными учениями, уходящими своими корнями в глубокую древность. Так, например, в «Звездных войнах» важное место занимает Сила, которая понимается как некое энергетическое поле, пронизывающее все вокруг, она выступает в качестве аналога энергии *ци*. Согласно древним китайским представлениям, из нее состоит все в мире. В «Матрице» и «Начале» затрагивается идея иллюзорности бытия,